

Алексей Феофилактович Писемский

В водовороте

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
А47

А47 **Алексей Феофилактович Писемский**
В водовороте / Алексей Феофилактович Писемский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 320 с.

ISBN 978-5-4241-1725-1

Писемский Алексей Феофилактович – русский писатель. Принадлежал к старинному обедневшему дворянскому роду. Окончил математическое отделение Московского университета в 1844 году. Около 10 лет был на государственной службе в Костроме и Москве. Выступил в печати в 1848 году. Первый роман Писемского «Бояршина» (1846, опубликован 1858) написан в духе натуральной школы 40-х гг. Известность пришла к Писемскому после опубликования повести «Тюфяк» (1850). Затем появились повести из жизни дворянско-чиновничьей провинции «Комик», «Богатый жених» (обе – 1851), «Маг Батманов» (1852), «Фанфарон» (1854), «Виновата ли она?» (1855) и другие, комедии «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853), рассказы из крестьянской жизни. Писатель не видел в дворянской среде людей, способных сопротивляться влиянию её бесчеловечной морали, поэтому ирония – одно из главных свойств его стиля. Цельные характеры писатель находил только в народе.

ISBN 978-5-4241-1725-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Писемский Алексей
В водовороте

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

По солнечной стороне Невского проспекта, часов около трех пополудни, вместе с процею толпою, проходили двое мужчин в шляпах и в пальто с дорогими бобровыми воротниками; оба пальто были сшиты из лучшего английского трико и имели самый модный фасон, но сидели они на этих двух господах совершенно различно. Один из них был благообразный, но с нерусскою физиономией, лет 35 мужчина; он, как видно, умел носить платье: везде, где следует, оно было на нем застегнуто, оправлено и вычищено до последней степени, и вообще правильностью своей фигуры он напоминал даже несколько модную картинку. Встретившийся им кавалергардский офицер, приложив руку к золотой каске своей и слегка мотнув головой, назвал этого господина: - "Здравствуйте, барон Мингер!" - "Bonjour!"¹, - отвечал тот с несколько немецким акцентом. На товарище барона, напротив того, пальто было скорее напялено, чем надето: оно как-то лезло на нем вверх, лацканы у него неуклюже топорщились, и из-под них виднелся поношенный кашне. Сам господин был высокого роста; руки и ноги у него огромные, выражение лица неглупое и очень честное; как бы для вящей противоположности с бароном, который был причесан и выбрит безукоризненным образом, господин этот носил довольно неряшливую бороду и вообще всей своей наружностью походил более на фермера, чем на джентльмена, имеющего возможность носить такие дорогие пальто. Несмотря на это, однако, барон, при всем своем старании высоко-прилично и даже гордо держать себя, в отношении товарища своего обнаруживал какое-то подчиненное положение. Перед одним из книжных магазинов высокий господин вдруг круто повернулся и вошел в него; барон тоже не преминул последовать за ним. Высокий господин вынул из кармана записочку и стал по ней спрашивать книг; приказчик подал ему все, какие он желал, и все они оказались из области естествознания. Высокий господин принялся заглядывать в некоторые из них, при этом немножко морщился и делал недовольную мину.

- А что, - начал он каким-то неторопливым голосом и уставляя через очки глаза на приказчика, - немецкие подлинники можно достать?

- Можно-с, - отвечал тот.

- Достаньте, пожалуйста, - протянул опять высокий господин, - и пришлите все это в Морскую, в гостиницу "Париж", Григорову... князю Григорову, - прибавил он затем, как бы больше для точности.

Во все это время барон то смотрел на одну из вывешенных новых ландкарт, то с нетерпением взглядал на своего товарища; ему, должно быть, ужасно было скучно, и вообще, как видно, он не особенно любил посещать хранилище знаний человеческих.

- Vous dinez aujourd'hui chez votre oncle?² - спросил он тотчас же, как они вышли из магазина.

- Да! - отвечал протяжно Григоров.

- Je viendrai aussi!³ - подхватил скороговоркой барон.

- Bien!⁴ - проговорил, как бы по механической привычке и совершенно чистым

акцентом, князь. - Приходите! - поспешил он затем сейчас же прибавить.

Барон вскоре раскланялся с ним и ушел в один из переулков; князь же продолжал неторопливо шагать по Невскому. Мелькающие у него перед глазами дорогие магазины и проезжавшие по улицам разнообразные экипажи нисколько не возбуждали его внимания, и только на самом конце Невского он, как бы чем-то уколотый, остановился: к нему, как и к другим проходящим лицам, взывала жалобным голосом крошечная девочка, вся иззябшая и звонившая в треугольник. Князь проворно вынул свой бумажник, вытащил из него первую, какая попалась ему под руку, ассигнацию и подал ее девочке: это было пять рублей серебром. Крошка от удивления раскрыла на него свои большие глаза, но князь уже повернулся в Морскую и скоро был далеко от нее. Затем он пришел в гостиницу "Париж" и вошел в большой и нарядный номер. Здесь он свое ценное пальто так же небрежно, как, вероятно, и надевал его, сбросил с себя и, сев на диван, закрыл глаза в утомлении. В таком положении князь просидел до тех пор, пока не раздался звонок в его номер: это принесли ему книги из магазина. Расплатившись за них, князь сейчас же принялся читать один из немецких подлинников, причем глаза его выражали то удовольствие от прочитываемого, то какое-то недоумение, как будто бы он не совсем ясно понимал то, что прочитывал. В этом чтении князь провел часа полтора, так что официант вошел и доложил ему:

- Карета, ваше сиятельство, приехала к вам.

- Ах... да... - протянул князь, и затем он лениво встал и начал переодеваться из широкого пальто во фрак.

Дядя князя Григорова, к которому он теперь ехал обедать, был действительный тайный советник Михайло Борисович Бахтулов и принадлежал к высшим сановникам. Почти семидесятилетний старик, с красивыми седыми волосами на висках, с несколько лукавой кошачьей физиономией и носивший из всех знаков отличия один только портрет покойного государя⁵, осыпанный брильянтами, Михайло Борисович в молодости получил прекрасное, по тогдашнему времени, воспитание и с первых же шагов на службе быстро пошел вперед. Трудно, конечно, утверждать, чтобы Михайло Борисович имел собственно какие-либо высшие государственные способности, но зато положительно можно сказать, что он владел необыкновенным даром (качество, весьма нужное для государственных людей) - даром умно и тонко льстить. Лицо, которому он желал или находил нужным льстить, никогда не чувствовало, что он ему льстит; напротив того, все слова его казались ему дышащими правдою и даже некоторою строгостью. Однажды - это было, когда Михайле Борисовичу стукнуло уже за шестьдесят - перед началом одной духовной церемонии кто-то заметил ему: "Ваше высокопревосходительство, вы бы изволили сесть, пока служба не началась" ... - "Мой милый друг, - отвечал он громко и потрепав ласково говорившего по плечу, - из бесконечного моего уважения к богу я с детства сделал привычку никогда в церкви не садиться" ... Михайло Борисович как будто бы богу даже желал льстить и хотел в храме его быть приятным ему... Любимец трех государей⁶, Михайло Борисович в прежнее суровое время как-то двоился: в кабинете своем он был друг ученых и литераторов и говорил в известном тоне, а в государственной деятельности своей все старался свести на почву законов, которые он знал от доски до доски наизусть и с этой стороны, по общему мнению, был непреоборим. В настоящее

же время Михайло Борисович был одинаков как у себя дома, так и на службе, и дома даже консервативнее, и некоторым своим близким друзьям на ушко говаривал: - "Слишком распускают, слишком!". Детей Михайло Борисович не имел и жил с своей старушкой-женой в довольно скромной, по его положению, квартире: он любил власть, но не любил роскоши. Марья Васильевна Бахтулова (родная тетка князя Григорова) была кротчайшее и добрейшее существо. Племянника своего она обожала; когда он был в лицее⁷, она беспрестанно брала его к себе на праздники, умывала, причесывала, целовала, закармливала сластями, наделяла деньгами и потом, что было совершенно противно ее правилам и понятиям, способствовала его рановременному браку с одной весьма небогатой девушкой. Сам Михайло Борисович как-то игнорировал племянника и смотрел на него чересчур свысока: он вообще весь род князей Григоровых, судя по супруге своей, считал не совсем умным. Племянник, в свою очередь, не отдавая себе отчета, за что именно, ненавидел дядю.

За полчаса до обеда Михайло Борисович сидел в своей гостиной с толстым, короткошерстным генералом, который своими отвисшими брылями⁸ и приплюснутым носом напоминал отчасти бульдога, но только не с глупыми, большими, кровавыми глазами, а с маленьными, серыми, ушедшими внутрь под брови и блестающими необыкновенно умным, проницающим человеческим блеском. Кроткая Марья Васильевна была тут же: она сидела и мечтала, что вот скоро придет ее Гриша (князь Григоров тем, что пребывал в Петербурге около месяца, доставлял тетке бесконечное блаженство). "Он придет, она налюбуется на него, наглядится, - глаза у него ужасно похожи на глаза ее покойного брата. Конечно, брат ее был больше комильфо⁹. О, он был истинный петиметр¹⁰... - и лицо Мары Васильевны принимало при этом несколько гордое выражение. "У Гриши манеры хуже, но зато он ученый!.. Философ!" - утешала себя и в этом отношении старушка. Михайло Борисович был на этот раз в несколько недовольном и как бы неловком положении, а толстый генерал почти что в озлобленном. Он сейчас хлопотал было оплести Михайла Борисовича по одному делу, но тот догадался и уперся. Генерал очень хорошо знал, что в прежнее, более суровое время Михайло Борисович не стал бы ему очень противодействовать и даже привел бы, вероятно, статью закона, подтверждающую желание генерала, а теперь... "О, старая лисица, совсем перекинулся на другую сторону!.." - думал он со скрежетом зубов и готов был растерзать Михайла Борисовича на кусочки, а между тем должен был ограничиваться только тем, что сидел и недовольно пыхтел: для некоторых темпераментов подобное положение ужасно! Наконец, вошел лакей и доложил:

- Барон Мингер.

- Проси! - сказал Михайло Борисович с явным удовольствием на лице.

Глаза старушки Бахтуловой тоже заблестали еще более добрым чувством. Барон вошел. Во фраке и в тугу накрахмаленном белье он стал походить еще более на журнальную картинку. Прежде всех он поклонился Михайле Борисовичу, который протянул ему руку хоть несколько и фамильярно, но в то же время с тем добрым выражением, с каким обыкновенно начальники встречают своих любимых подчиненных.

Барон еще на школьной скамейке подружился с князем Григоровым, познакомился через него с Бахтуловым, поступил к тому прямо на службу по выходе

из заведения и был теперь один из самых близких домашних людей Михаила Борисовича. Служебная карьера через это открывалась барону великолепнейшая.

Толстому генералу он тоже поклонился довольно низко, но тот в ответ на это едва мотнул ему головой. После того барон подошел к Марье Васильевне, поцеловал у нее руку и сел около нее.

- Что, видели вы сегодня Гришу? - спросила она его ласково.

- Видел. Он сейчас будет сюда, - отвечал барон почтительным голосом.

- Да, вероятно, - подтвердила старушка с удовольствием.

Это говорили они о князе Григорове, который и сам вскоре показался в гостиной всей своей громадной фигурой. Он был тоже во фраке и от этого казался еще выше ростом и еще неуклюже. Он как-то притворно-радушно поклонился дяде, взглянул на генерала и не поклонился ему; улыбнулся тетке (и улыбка его в этом случае была гораздо добрее и искреннее), а потом, кивнув головой небрежно барону, уселся на один из отдаленных диванов, и лицо его вслед за тем приняло скучающее и недовольное выражение, так что Марья Васильевна не преминула спросить его встревоженным голосом:

- Ты здоров, Гриша?

- Здоров! - отвечал он ей, мрачно смотря себе на руки.

Старый генерал вскоре поднялся. Он совершенно казенным образом наклонил перед хозяйкой свой стан, а Михайле Борисовичу, стоя к нему боком и не поворачиваясь, протянул руку, которую тот с своей стороны крепко пожал и пошел проводить генерала до половины залы.

Возвращаясь оттуда, Михайло Борисович уселся на прежнее свое место и, кажется, был очень доволен, что остался между своими.

- Удивительные есть люди! - произнес он как бы больше сам с собой.

Барон при этом обратился весь во внимание.

- Вы, может быть, знаете, - отнесся уже прямо к нему Михайло Борисович, - что одно известное лицо желает продать свой дом в казну.

Барон наклонением головы своей изъяснил, что он знает это.

- А этот господин, - продолжал Михайло Борисович, мотнув головой на дверь и явно разумея под именем господина ушедшего генерала, - желает получить известное место, и между ними произошло, вероятно, такого рода *facio ut facias*¹¹: "вы-де схлопочите мне место, а я у вас куплю за это дом в мое ведомство"... А? - заключил Михайло Борисович, устремляя на барона смеющийся взгляд, а тот при этом сейчас же потупился, как будто бы ему даже совестно было слушать подобные вещи.

- Ну, и черт их там дери! - снова продолжал Михайло Борисович, нахмуривая свои брови. - Делали бы сами, как хотят, так нет-с!.. Нет!.. даже взвизгнул он. - Сегодня этот господин приезжает ко мне и прямо просит, чтобы я вотировал¹² за подобное предположение. "Яков Петрович! - говорю я. - Я всегда был против всякого рода казенных фабрик, заводов, домов; а в настоящее время, когда мы начинаем немножко освобождаться от этого, я вотировать за такое предположение просто считаю для себя делом законопреступным".

- Это совершенно справедливо-с, - подхватил вежливо барон, - но дом все-таки, вероятно, будет куплен, и господин этот получит желаемое место.

Михайло Борисович на довольно продолжительное время пожал своими

плечами.

- Очень может быть, по французской поговорке: будь жаден, как кошка, и ты в жизни получишь вдвое больше против того, чего стоишь! - произнес он не без грусти.

Пока происходил этот разговор, Марья Васильевна, видя, что барон, начав говорить с Михайлом Борисовичем, как бы случайно встал перед ним на ноги, воспользовалась этим и села рядом с племянником.

- Завтра едешь? - спросила она его ласковым голосом.

- Завтра, *ma tante*¹³, - отвечал тот, держа по-прежнему голову в грустно-наклоненном положении.

- Жаль мне, друг мой, очень жаль с тобой расстаться, - продолжала старушка: на глазах ее уже появились слезы.

- Что делать, *ma tante*, - отвечал князь; видимо, что ему в одно и то же время жалко и скучно было слушать тетку.

- Нынешней весной, если только Михайло Борисович не увезет меня за границу, непременно приеду к вам в Москву, непременно!.. - заключила она и, желая даже как бы физически поласкать племянника, свою маленькую и сморщенную ручку положила на его жилистую и покрытую волосами ручищу.

- Приезжайте, - отвечал он, а сам при этом слегка старался высвободить свою руку из-под руки тетки.

- Пойдемте, однако, обедать! - воскликнул Михайло Борисович.

Все пошли.

Когда первое чувство голода было удовлетворено, между Михайлом Борисовичем и бароном снова начался разговор и по-прежнему о том же генерале.

- Мне говорил один очень хорошо знающий его человек, - начал барон, подступаясь и слегка дотрогиваясь своими красивыми, длинными руками до серебряных черенков вилки и ножа (голос барона был при этом как бы несколько нерешителен, может быть, потому, что высокопоставленные лица иногда не любят, чтобы низшие лица резко выражались о других высокопоставленных лицах), - что он вовсе не так умен, как об нем обыкновенно говорят.

- Не знаю-с, насколько он умен! - резко отвечал Михайло Борисович, выпивая при этом свою обычную рюмку портвейну; в сущности он очень хорошо знал, что генерал был умен, но только тот всегда подавлял его своей аляповатой и действительно уж ни перед чем не останавливающейся натурой, а потому Михайло Борисович издавна его ненавидел.

- И что вся его энергия, - продолжал барон несколько уже посмелее, ограничивается тем, что он муштрует и гонит подчиненных своих и на костях их, так сказать, зиждет свою славу.

Михайло Борисович усмехнулся.

- Есть это немножко!.. Любим мы из себя представить чисто метущую метлу... По-моему-с, - продолжал он, откидываясь на задок кресел и, видимо, приготовляясь сказать довольно длинную речь, - я чиновника долго к себе не возьму, не узнав в нем прежде человека; но, раз взял его, я не буду считать его пешкой, которую можно и переставить и вышвырнуть как угодно.

- Вы, ваше высокопревосходительство, такой начальник, что...

И барон не докончил даже своей мысли от полноты чувств.

Михайло Борисович тоже на этот раз как-то более обыкновенного расчувствован-

вался.

- Не знаю-с, какой я начальник! - произнес он голосом, полным некоторой торжественности. - Но знаю, что состав моих чиновников по своим умственным и нравственным качествам, конечно, есть лучший в Петербурге...

- Служить у вас, ваше высокопревосходительство... - начал барон и снова не докончил.

На этот раз его перебил князь Григоров, который в продолжение всего обеда хмурился, тупился, смотрел себе в тарелку и, наконец, как бы не утерпев, произнес на всю залу:

- Я бы никогда не мог служить у начальника, который меня любит!

Барон и Михайло Борисович вопросительно взглянули на него.

- Между начальником и подчиненным должны быть единственные отношения: начальник должен строго требовать от подчиненного исполнения его обязанностей, а тот должен строго исполнять их.

- Да это так обыкновенно и бывает!.. - возразил Михайло Борисович.

- Нет, не так-с! - продолжал князь, краснея в лице. - Любимцы у нас не столько служат, сколько усугивают женам, дочерям, любовницам начальников...

Марья Васильевна обмерла от страха. Слова племянника были слишком дерзки, потому что барон именно и оказывал Михайле Борисовичу некоторые услуги по поводу одной его старческой и, разумеется, чисто физической привязанности на стороне: он эту привязанность сопровождал в театр, на гулянье, и вообще даже несколько надзирал за ней. Старушка все это очень хорошо знала и от всей души прощала мужу и барону.

Михайло Борисович, в свою очередь, сильно рассердился на племянника.

- То, что ты говоришь, нисколько не относится к нашему разговору, произнес он, едва сдерживая себя.

Барон старался придать себе вид, что он нисколько не понял намека Григорова.

- Я не к вашему разговору, а так сказал! - отвечал тот, опять уже потупляясь в тарелку.

- Да, ты это так сказал! - произнес насмешливо Михайло Борисович.

- Так сказал-с! - повторил Григоров кротко.

Марья Васильевна отошла душою.

Обед вскоре после того кончился. Князь, встав из-за стола, взялся за шляпу и стал прощаться с дядей.

- А курить? - спросил его тот лаконически.

- Не хочу-с! - отвечал ему князь тоже лаконически.

- Ну, как знаешь! - произнес Михайло Борисович.

В голосе старика невольно слышалась еще не остывшая досада; затем он, мотнув пригласительно барону головой, ушел с ним в кабинет.

С Марьей Васильевной князю не так скоро удалось проститься. Она непременно заставила его зайти к ней в спальню; здесь она из дорогой божницы вынула деревянный крестик и подала его князю.

- Отвези это княгиниушке от меня и скажи ей, чтобы она сейчас же надела его: это с Геннадия преподобного, - непременно будут дети.

Князь не без удивления взглянул на тетку, но крестик, однако, взял.

- Что смотришь? Это не для тебя, а для княгинюшки, которая у тебя умная и добрая... гораздо лучше тебя!.. - говорила старушка.

Князь стал у ней на прощанье целовать руку.

- И поверь ты, друг мой, - продолжала Марья Васильевна каким-то уже строгим и внушительным голосом, - пока ты не будешь веровать в бога, никогда и ни в чем тебе не будет счастья в жизни.

- Я верую, тетушка, - проговорил князь.

- Ну! - возразила старушка и затем, перекрестив племянника, отпустила его, наконец.

В кабинете между тем тоже шел разговор о князе Григорове.

- Я пойду, однако, прощусь с князем, - проговорил было барон, закуривая очень хорошую сигару, которую предложил ему Михайло Борисович.

- Оставьте его! - произнес тот тем же досадливым голосом.

Барон остался и не пошел.

- Странный человек - князь! - сказал он после короткого молчания.

- Просто дурак! - решил Михайло Борисович. - Хорошую жизнь ведет: не служит, ни делами своими не занимается, а ездит только из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву.

- Да, жизнь не очень деятельная! - заметил с улыбкою барон.

- Дурак! - сказал еще раз Михайло Борисович; он никогда еще так резко не отзывался о племяннике: тот очень рассердил его последним замечанием своим.

Князь в это время шагал по Невскому. Карету он обыкновенно всегда отпускал и ездил в ней только туда, куда ему надобно было очень чистым и незагрязненным явиться. Чем ближе он подходил к своей гостинице, тем быстрее шел и, прия к себе в номер, сейчас же принялся писать, как бы спеша передать волновавшие его чувствования.

"Добрая Елена Николаевна! - писал он скрым и малоразборчивым почерком. - Несмотря на то, что через какие-нибудь полтора дня я сам возвращусь в Москву, мне все-таки хочется письменно побеседовать с вами - доказательство, как мне необходимо и дорого ваше сообщество. Никогда еще так не возмущал и не истерзывал меня официальный и чиновничий Петербург, как в нынешний приезд мой. Какая огромная привычка выработана у всех этих господ важничать, и какая под всем этим лежит пустота и даже мелочность и ничтожность характеров!.. Мне больше всех из них противны их лучшие люди, их передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отец готовил меня, а между тем он был, сколько я помню, человек не глупый, любил меня и, конечно, желал мне добра. Понимая, вероятно, что в лицее меня ничему порядочному не научат, он в то же время знал, что мне оттуда дадут хороший чин и хорошее место, а в России чиновничество до такой степени все засело, в такой мере покойнее, прочнее всего, что родители обыкновенно лучше предпочитают убить, недоразвить в детях своих человека, но только чтобы сделать из них чиновника. В университетах наших очень плохо учат, но там есть какой-то научный запах; там человек, по крайней мере, может усвоить некоторые приемы, как потом образовать самого себя; но у нас и того не было. Светские манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургский лад и, наконец, бессмысленное либеральничанье, что, впрочем, есть еще самое лучшее, что преподано нам там.

Грустней всего, что с таким небогатым умственным и нравственным запасом пришлось жить и действовать в очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо как-то раз говорили, что нынче не только у нас, но и в европейском обществе, человеку, для того, чтобы он был не совершеннейший пошляк и поступал хоть сколько-нибудь честно и целесообразно, приходится многое самому изучить и узнать. То, что вошло в нас посредством уха и указки из воспитывающей нас среды, видимо, никуда не годится. Но чем заменить все это, что поставить вместо этого? Естествознание, мне кажется, лучше всего может дать ответ в этом случае, потому что лучше всего может познакомить человека с самим собой; ибо он, что бы там ни говорили, прежде всего животное. Высшие его потребности, смею думать, - роскошь, без которой он может и обойтись; доказательством служат дикари, у которых духовного только и есть, что религия да какие-то песни. Итак, моя милая Елена Николаевна, примемтесь за естествознание. Я накупил по этому отделу книг, и мы с вами будем вместе читать их: я заранее прихожу в восторг, представляя себе эти прекрасные вечера, которые мы будем с вами посвящать на общую нашу работу в вашей гостиной. Кстати, по поводу вашей гостиной, о вашей матушке: почему вас могло так возмутить письмо ее ко мне, которым она просит прислать ей из Петербурга недорогой меховой салоп? Во-первых, в Петербурге действительно меха лучше и дешевле; во-вторых, мне кажется, мы настолько добрые и хорошие знакомые, что церемониться нам в подобных вещах не следует, и смею вас заверить, что даже самые огромные денежные одолжения, по существу своему, есть в то же время самые дешевые и ничтожные и, конечно, никогда не могут окупить тех высоконравственных наслаждений, которые иногда люди дают друг другу и которые я в такой полноте встретил для себя в вашем семействе.

За ваши посещения жены моей приношу мою искреннюю благодарность. О, как вы глубоко подметили, что она от своего доброго, детского взгляда на жизнь неизлечима. Десять лет я будил и бужу в ней взгляд взрослой женщины и не могу добудиться, и это одна из трагических сторон моей жизни.

Ваш друг,

Григоров.

186 - года, - января".

II

Князь Григоров, по происхождению своему, принадлежал к весьма старинному и чисто русскому княжескому роду. Родство у него было именитое: не говоря уже о Михаиле Борисовиче Бахтулове, два дяди у него были генерал-адъютантами, три тетки статс-дамами, две - три кузины дамами-патронессами. Всеми этими связями князь нисколько не воспользовался для составления себе хоть какой-нибудь служебной карьеры. Он не был даже камер-юнкер и служил всего года два мировым посредником, и то в самом начале их существования. Жил он в настоящее время постоянно в Москве, в огромном барском доме с двумя каменными крылами для прислуги. Стеклянная дверь вела с подъезда в сени, из которых в бельэтаж шла мраморная лестница с мраморными статуями по бокам. Зала, гостиная и кабинет были полны редкостями и драгоценностями; все это досталось князю от деда и от отца, но сам он весьма мало обращал внимания на все эти сокровища искусств: не древний и не художественный мир волновал его